

Л.Н. Толстой
Охота пуще неволи
(Рассказ охотника)

Мы были на охоте за медведями. Товарищу пришлось стрелять по медведю; он ранил его, да в мягкое место. Осталось немного крови на снегу, а медведь ушёл.

Мы сошлись в лесу и стали судить, как нам быть: идти ли теперь отыскивать этого медведя или подождать три дня, пока медведь уляжется

Стали мы спрашивать мужиков-медвежатников, можно или нельзя обойти теперь этого медведя? Старик медвежатник говорит:

- Нельзя, надо медведю дать остепениться; дней чрез пять обойти можно, а теперь за ним ходить - только напугаешь, он и не ляжет.

А молодой мужик-медвежатник спорил со стариком и говорил, что обойти теперь можно.

- По этому снегу, - говорит, - медведь далеко не уйдёт, - медведь жирный. Он нынче же ляжет. А не ляжет, так я его на лыжах догоню.

И товарищ мой тоже не хотел теперь обходить и советовал подождать. Я и говорю:

- Да что спорить. Вы делайте как хотите, а я пойду с Демьяном по следу. Обойдём - хорошо, не обойдём - всё равно делать нынче нечего, а ещё не поздно.

Так и сделали.

Товарищи пошли к саням да в деревню, а мы с Демьяном взяли с собой хлеба и остались в лесу.

Как ушли все от нас, мы с Демьяном осмотрели ружья, подоткнули шубы за пояса и пошли по следу.

Погода была хорошая: морозно и тихо. Но ходьба на лыжах была трудная: снег был глубокий и праховый. Осадки снега в лесу не было, да ещё снежок выпал накануне, так что лыжи уходили в снег на четверть, а где и больше.

Медвежий след издалика был виден. Видно было, как шёл медведь, как местами по брюхо проваливался и выворачивал снег. Мы шли сначала в виду от следа, крупным лесом; а потом, как пошел след в мелкий ельник, Демьян остановился.

- Надо, - говорит, - бросать след. Должно быть, здесь ляжет. Присаживаться стал - на снегу видно. Пойдём прочь от следа и круг дадим. Только тише надо, не кричать, не кашлять, а то спугнёшь.

Пошли мы прочь от следа, влево. Прошли шагов пятьсот, глядим - след медвежий опять перед нами. Пошли мы опять по следу, и вывел нас этот след на дорогу. Остановились мы на дороге и стали рассматривать, в какую сторону пошёл медведь. Кое-где по дороге видно было, как всю

лапу с пальцами отпечатал медведь, а кое-где - как в лаптях мужик ступал по дороге. Видно, что пошёл он к деревне.

Пошли мы по дороге.

Демьян и говорит:

- Теперь смотреть нечего на дорогу; где сойдёт с дороги вправо или влево, видно будет в снегу. Где-нибудь своротит, не пойдёт же в деревню.

Прошли мы так по дороге с версту; видим впереди - след с дороги. Посмотрели - что за чудо! - след медвежий, да не с дороги в лес, а из лесу на дорогу идёт: пальцами к дороге. Я говорю:

- Это другой медведь.

Демьян посмотрел, подумал.

- Нет, - говорит, - это он самый, только обманывать начал. Он задом с дороги сошёл.

Пошли мы по следу, так и есть. Видно, медведь прошёл с дороги шагов десять задом, зашёл за сосну, повернулся и пошёл прямо.

Демьян остановился и говорит:

- Теперь, верно, обойдём. Больше ему и лечь негде, как в этом болоте. Пойдём в обход.

Пошли мы в обход, по частому ельнику. Я уж утомился, да и труднее стало ехать. То на куст можжевельный наедешь, зацепишь, то промеж ног ёлочка подвернётся, то лыжа свернётся без привычки, то на пень, то на колоду наедешь под снегом. Стал я уж уставать. Снял я шубу, и пот с меня так и льёт. А Демьян как на лодке плывёт. Точно сами под ним лыжи ходят. Не зацепит нигде, не свернётся. И мою шубу ещё себе за плечи перекинул и всё меня понукает.

Дали мы круг версты в три, обошли болото. Я уже отставать стал, - лыжи сворачиваются, ноги путаются. Остановился вдруг впереди меня Демьян и машет рукой. Я подошёл. Демьян пригнулся, шепчет и показывает:

- Видишь, сорока над ломом щекочет; птица издалече его дух слышит. Это он.

Взяли мы прочь, прошли ещё с версту и нашли опять на старый след. Так что мы кругом обошли медведя, а он в середине нашего обхода остался. Остановились мы. Я и шапку снял и расстегнулся весь: жарко мне, как в бане, весь, как мышь, мокрый. И Демьян раскраснелся, рукавом утирается.

- Ну, - говорит, - барин, дело сделали, теперь отдохнуть надо.

А уж заря сквозь лес краснеть стала. Сели мы на лыжи отдыхать. Достали хлеб из мешка и соль; поел я сначала снегу, а потом хлеба. И такой мне хлеб вкусный показался, что я в жизнь такого не ел. Посидели мы, уж и смеркаться стало. Я спросил Демьяна, далеко ли до деревни.

- Да вёрст двенадцать будет. Дойдём ночью, а теперь отдохнуть надо. Надевай-ка шубу, барин, а то остудишься.

Наломал Демьян ветвей еловых, обил снег, настлал кровать, и легли мы с ним рядышком, руки под головы подложили. И сам не помню я, как заснул. Проснулся я часа через два. Треснуло что-то.

Я так крепко спал, что и забыл, где я заснул. Оглянулся я - что за чудо! Где я? Палаты какие-то белые надо мной, и столбы белые, и на всём блёстки блестят. Глянул вверх - разводы белые, а промеж разводов свод какой-то воронёный, и огни разноцветные горят. Огляделся я, вспомнил, что в лесу и что это деревья в снегу и в инее мне за палаты показались, а огни это звёзды на небе промеж сучьев дрожат.

В ночь иней выпал: и на сучьях иней, и на шубе моей иней, и Демьян весь под инеем, и сыплется сверху иней. Разбудил я Демьяна. Стали мы на лыжи и пошли. Тихо в лесу; только слышно, как мы лыжами по мягкому снегу посовываем, да кое-где треснет дерево от мороза, и по всему лесу голк раздаётся. Один раз только живое что-то зашумело близёхонько от нас и прочь побежало. Я так и думал, что медведь. Подошли к тому месту, откуда зашумело, увидали следы заячьи. И осинки обглоданы. Это зайцы кормились.

Вышли мы на дорогу, привязали лыжи за собой и пошли по дороге. Идти легко стало. Лыжи сзади по накатанной дороге раскатываются, громыхают, снежок под сапогами поскрипывает, холодный иней на лицо, как пушок, липнет. А звёзды вдоль по сучьям точно навстречу бегут, засветятся, потухнут, точно всё небо ходуном ходит.

Товарищ спал, - я разбудил его. Мы рассказали, как обошли медведя, и велели хозяину к утру собрать загонщиков-мужиков. Поужинали и легли спать.

Я бы с усталости проспал до обеда, да товарищ разбудил меня. Вскочил я, смотрю: товарищ уж одет, с ружьём что-то возится.

- А где Демьян?

- Он уже давно в лесу. Уж и обклад поверил, сюда прибежал; а теперь повёл загонщиков заводить.

Умылся я, оделся, зарядил свои ружья; сели в сани, поехали.

Мороз всё держал крепкий, тихо было, и солнца не видать было; туман стоял наверху, и иней садился.

Проехали мы версты три по дороге, подъехали к лесу. Видим: в низочке дымок синеет, и народ стоит, - мужики и бабы с дубинами.

Слезли мы, подошли к народу. Мужики сидят, картошки жарят, смеются с бабами.

И Демьян с ними. Поднялся народ, повёл их Демьян расставлять кругом по нашему вчерашнему обходу. Вытянулись мужики и бабы ниткой, тридцать человек - только по пояс их видно - зашли в лес; потом пошли мы с товарищем по их следу.

Дорожка хоть и натоптана, да тяжело идти; зато падать некуда, - как промежду двух стен идёшь.

Прошли мы так с полверсты; смотрим - уж Демьян с другой стороны к нам бежит на лыжах, машет рукой, чтоб к нему шли.

Подошли мы к нему, показал нам места. Стал я на своё место, огляделся.

Налево от меня высокий ельник; сквозь него далеко видно, и за деревьями чернеется мне мужик-загонщик. Против меня частый, молодой ельник в рост человека. И на ельнике сучья повисли и слиплись от снега. В середине ельника дорожка, засыпанная снегом. Дорожка эта прямо на меня идёт. Направо от меня частый ельник, а на конце ельника полянка. И на этой полянке, вижу я, что Демьян ставит товарища.

Осмотрел я свои два ружья, взвёл курки и стал раздумывать, где бы мне лучше стать. Сзади меня в трёх шагах большая сосна. "Дай стану у сосны и ружьё другое к ней прислоню". Полез я к сосне, провалился выше колен, обтоптал у сосны площадку аршина в полтора и на ней устроился. Одно ружьё взял в руки, а другое с взведёнными курками прислонил к сосне. Кинжал я вынул и вложил, чтобы знать, что в случае нужды он легко вынимается.

Только я устроился, слышу - кричит в лесу Демьян:

- Пошёл! в ход пошёл! пошёл!

И, как закричал Демьян, на кругу закричали мужики разными голосами. "Пошёл! Уууу..." - кричали мужики. "Ай! И-их!" - кричали бабы тонкими голосами.

Медведь был в кругу. Демьян гнал его. Кругом везде кричал народ, только я и товарищ стояли, молчали и не шевелились, ждали медведя. Стою я, смотрю, слушаю, сердце у меня так и стучит. Держусь за ружьё, подрагиваю. Вот-вот, думаю, выскочит, прицелюсь, выстрелю, упадёт... Вдруг налево слышу я - в снегу обваливается что-то, только далеко. Глянул я в высокий ельник: шагов на пятьдесят, за деревьями, стоит что-то чёрное, большое. Приложился я и жду. Думаю, не подбежит ли ближе. Смотрю: шевельнул он ушами, повернулся и назад. Сбоку мне его всего видно стало. Здоровенный зверище! Нацелился я сгоряча. Хлоп - слышу: шлёпнулась об дерево моя пуля. Смотрю из-за дыма медведь мой назад катит в обклад и скрылся за лесом. Ну думаю, пропало моё дело; теперь уж не набежит на меня; либо товарищу стрелять, либо через мужиков пойдёт, а уж не на меня. Стою я, зарядил опять ружьё и слушаю. Кричат мужики со всех сторон, но с правой стороны, недалеко от товарища, слышу - непутём кричит какая-то баба:

- Вот он! Вот он! Вот он! Сюда! Сюда! Ой, ой! Ай, ай, ай!

Видно - на глазах медведь. Не жду уже я к себе медведя и гляжу направо, на товарища. Смотрю: Демьян с палочкой, без лыж, по тропинке бежит к товарищу; присел подле него и палочкой указывает ему на что-то, как будто целится. Вижу: товарищ вскинул ружьё, целится туда, куда показывает Демьян. Хлоп - выпалил. "Ну, - думаю, - убил". Только

смотрю, не бежит товарищ за медведем. "Видно, промах или плохо попал, уйдёт, - думаю, - теперь медведь назад, а ко мне уже не выскочит!" Что такое? Впереди себя слышу вдруг - как вихрь летит кто-то, близёхонько сыплется снег, и пыхтит. Поглядел я перед собой: а он прямёхонько на меня по дорожке между частым ельником катит стремглав и, видно, со страху сам себя не помнит. Шагах от меня в пяти весь мне виден: грудь чёрная иловица огромная с рыжинкой. Летит прямёхонько на меня лбом и сыплет снег во все стороны. И вижу я по глазам медведя, что он не видит меня, а с испугу катит благим матом куда попало. Только ход ему прямо на сосну, где я стою. Вскинул я ружьё, выстрелил, - а уже он ещё ближе. Вижу, не попал, пулю пронесло; а он не слышит, катит на меня и всё не видит. Пригнул я ружьё, чуть не упёр в него, в голову. Хлоп! - вижу, попал, а не убил.

Приподнял он голову, прижал уши, ослабился и прямо ко мне. Хватился я за другое ружьё; но только взялся рукой, уж он налетел на меня, сбил с ног в снег и перескочил через. "Ну, - думаю, - хорошо, что он бросил меня". Стал я подниматься, слышу - давит меня что-то, не пускает. Он с налёту не удержался, перескочил через меня, да повернулся передом назад и навалился на меня всею грудью. Слышу я, лежит на мне тяжёлое, слышу тёплое над лицом и слышу, забирает он в пасть всё лицо моё. Нос мой уж у него во рту, и чую я жарко, и кровью от него пахнет. Надавил он меня лапами за плечи, и не могу я шевельнуться. Только подгибаю голову к груди, из пасти нос и глаза выворачиваю. А он норовит как раз в глаза и нос зацепить. Слышу: зацепил он зубами, верхней челюстью в лоб под волосами, а нижней челюстью в маслак под глазами, стиснул зубы, начал давить. Как ножами режут мне голову; боюсь я, выдёргиваюсь, а он торопится и как собака грызёт - жамкнет, жамкнет. Я вывернусь, он опять забирает. "Ну, - думаю, - конец мой пришёл". Слышу: вдруг полегчало на мне. Смотрю - нет его: соскочил он с меня и убежал.

Когда товарищ и Демьян увидели, что медведь сбил меня в снег и грызёт, они бросились ко мне. Товарищ хотел поскорее поспеть, да ошибся; вместо того чтобы бежать по протоптанной дорожке, он побежал целиком и упал. Пока он выкарабкивался из снега, медведь всё грыз меня. А Демьян, как был, без ружья, с одной хворостиной, пустился по дорожке, сам кричит:

- Барина заел! Барина заел! - Сам бежит и кричит на медведя: - Ах ты, баламутный! Что делает! Брось! Брось!

Послушался медведь, бросил меня и побежал. Когда я поднялся, на снегу крови было, точно барана зарезали, и над глазами лохмотьями висело мясо, а сгоряча больно не было.

Прибежал товарищ, собрался народ, смотрят мою рану, снегом примачивают. А я забыл про рану, спрашиваю:

- Где медведь, куда ушёл?

Вдруг слышим:

- Вот он! вот он!

Видим: медведь бежит опять к нам. Схватились мы за ружья, да не поспел никто выстрелить - уж он пробежал. Медведь остервенел - хотелось ему ещё погрызть, да увидал, что народу много, испугался. По следу мы увидели, что из медвежьей головы идёт кровь; хотели идти догонять, но у меня разболелась голова, и поехали в город к доктору.

Доктор зашил мне раны шёлком, и они стали заживать.

Через месяц мы поехали опять на этого медведя; но мне не удалось добить его. Медведь не выходил из обклада, а всё ходил кругом и ревел страшным голосом. Демьян добил его. У медведя этого моим выстрелом была перебита нижняя челюсть выбит зуб.

Медведь этот был очень велик, и на нём прекрасная чёрная шкура.

Я сделал из неё чучелу, и она лежит у меня в горнице. Раны у меня на лбу зажили, так что только чуть-чуть видно, где они были.